

ГЕНЕЗИС ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ АНТИЧНОСТИ

А. А. Гончарова

LINGUISTIC PHILOSOPHY GENESIS IN ANTIQUE EPISTEMOLOGY

A. A. Goncharova

Цель данной статьи – поиск истоков генезиса лингвистической философии в античных доктринах. Следуя этой цели, был проведен анализ трудов ряда философов на предмет наличия в них концепции взаимосвязи языка и мышления, которая была принята в качестве опорной гипотезы исследования. Следуя этой цели, был проведен анализ трудов ряда философов на предмет наличия в них концепции взаимосвязи языка и мышления, которая была принята в качестве опорной гипотезы исследования. Исторический анализ опирался как на первоисточники, так и на данные последующих исследований. Установлено, что первые упоминания взаимосвязи языка и мышления обнаруживаются в досократический период. Доказано, что данная концепция получила разноаспектное рассмотрение в трудах античных философов. Выявлены прямая и диалектическая взаимосвязь языка и мышления, их связь в этическом и психологическом аспектах. Полученные результаты способствуют более глубокому изучению истории философии языка в ранние периоды ее становления.

The purpose of the paper is researching linguistic philosophy genesis. The ancient doctrines are used as research base.

Methodology: The basic hypothesis is a concept, which implies the interrelation between language and thinking. Analysis for the presence of this concept is carried out. The subjects of inquiry are Xenophanes, Heraclitus, Parmenides, Democritus, the Sophists, Socrates, Plato, Aristotle, the Stoics and Chrisippos' proceedings. Historical analysis is based on the original sources, as well as on the findings of subsequent research.

Findings: The interrelation between language and thinking was first discussed in the pre-Socratic period. This concept saw multidimensional investigation in the antique proceedings. Direct and dialectical interrelations between language and thinking, as well as ethical and psychological aspects are discovered.

Theoretical value: The results stimulate the in-depth study of linguistic philosophy history. They contribute to the formation of fuller appreciation of its process of establishment.

Ключевые слова: Античность, лингвистическая философия, генезис, взаимосвязь языка и мышления, науки о языке.

Keywords: antiquity, linguistic philosophy, genesis, interrelations between language and thinking, the sciences of the language.

Во второй половине прошлого века рассуждения на тему лингвистической философии в большинстве своем сводились к неопозитивизму. В 90-х гг. XX столетия началось переосмысление истории философии языка, в результате чего было раскрыто сильнейшее влияние на становление данного философского течения мыслителей эпохи Ренессанса. Однако большинство основных отраслей философии было заложено во времена Античности, поэтому правомерно предположить, что и поиск истоков генезиса лингвофилософии следует начинать с античной эпистемологии. Целью данной статьи является подтверждение данной гипотезы. В качестве опорной идеи примем концепцию взаимосвязи языка и мышления и рассмотрим, встречается ли она в трудах античных мыслителей, и если встречается, то в каких интерпретациях.

Л. Г. Зубкова пишет, что в эпоху античности, когда человек в рамках внеличного миропонимания рассматривался как часть природы, неотделимая от нее, язык воспринимался синкретично с мышлением. При этом язык не выступал объектом конкретных философских исследований, и философия языка не разграничивалась с гносеологией, а лингвистические закономерности, как правило, отождествлялись с онтологическими.

По мнению Л. Г. Зубковой, именно античные философы сформулировали основную лингвистическую проблему – соотношение языка и мышления. Именно для постижения основных форм мышления, его зако-

нов и принципов мыслители античности обращались к вопросам языка [8]. Поэтому правомерно начать поиски истоков лингвистической философии в античных учениях, так или иначе касающихся проблемы мышления в его взаимосвязи с языком.

Проблема мышления действительно интересовала философов еще с античных времен. Первые упоминания этого понятия встречаются в трудах Ксенофана. Он утверждал, что лишь сила разума позволяет человеку познать сущность мира, поскольку чувства нас обманывают, а ощущения ложны. При этом он не исключал возможности того, что разум также может обманывать, человеческое познание мыслитель признавал субъективным и ограниченным. И все же именно мышление как познавательная деятельность человека, по мнению Ксенофана, могло постепенно приблизить его к постижению истины [4].

*Истины точной никто не узрел и никто не узнает
Из людей о богах и о всем, что я только толкую:*

Если кому и удастся вполне сказать то, что сбывлось,

Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает [22, с. 173].

Таким образом, учение Ксенофана положило начало течению скептицизма. Тем не менее элейская школа первой сделала предметом философской рефлексии соотношение бытия и мышления, в отличие от своих предшественников, которые мыслили бытие, не ставя данного вопроса [3].

Поскольку у Ксенофана вопрос познания был недостаточно развит, первым античным философом, в чьих работах нашла отражение проблема мышления, считается Гераклит. Он обращает внимание на многочисленные трудности, встающие на пути к познанию перед человеком, а также на то, что предмет изучения неисчерпаем. Его фраза «*Природа любит прятаться*» [22, с. 192] обобщенно выражает отношение философа к познанию, которое человеку дается нелегко: ответы на вопросы на поверхности вещей не лежат, и для достижения истинной природы явлений нужно приложить большие усилия. Одновременно люди имеют обыкновение обманываться относительно видимых вещей. Очевидно, Гераклит придавал большое значение именно мышлению, а не поверхностному накоплению знаний. С одной стороны, «*многого знатоками должны быть любомудрые мужи*» [22, с. 191], но при этом «*многознание обладанию умом не научает*» [22, с. 196], то есть познание нельзя было сводить к коллекционированию знаний. Философ противопоставляет ему углубленное понимание единства противоположностей, которое таится от внешних взглядов [2].

Гераклит подчеркнул такую важную сторону противоречия бытия, как изменение вещей. Изменяемость он видел устойчивым атрибутом природы, а все изменения, по мнению философа, происходили, следуя определенному устойчивому порядку. Отсюда Гераклит пришел к выводу о том, что Вселенной управляет разум – космическая сила, Логос, не являющийся человеческой способностью, вечная, как сам мир. И именно разумность мира обуславливает скрытую под покровом видимых дисгармоний «наипрекраснейшую гармонию». Противоречия этого мира взаимодополняют друг друга и связываются определенным образом так, что образуется эта самая гармония [21].

Э. Кассирер установил, что противоречия – это отражение в языке проявления противоположностей в бытие. Когда в языке опровергается то или иное высказывание, утверждение сменяется отрицанием, человек раскрывает внутреннюю структуру бытия, выявляет законы его функционирования. Кроме того, Э. Кассирер проводит параллель между упомянутой нами выше изменчивостью вещей и многообразием языка. Если каждый отдельный объект, по Гераклиту, пребывает в непрерывном становлении, то это применимо и к слову. Внутренняя многозначность слов подтверждает текучесть границ языка, что в свою очередь, индуктивно доказывает и изменчивость бытия [11].

Разум и мышление легли в основу понятия диалектики как метода познания мира. Однако не все философы поддержали такую идею. Ярким его противником выступил Парменид. Он стал первым антагонистом диалектики и заявил, что мир един, следовательно, неподвижен. Множественность, по мнению Парменида, присуща лишь чувствам, а их картина мира, которую они составляли, вызывала у философа недоверие. Он считал, что чувства, фиксирующие множество и движение, заблуждаются. Существующее пространство на самом деле шире, чем чувства могут охватить, а множественность одновременно представляется и конечной, и бесконечной. Отсюда, мыслимость множественности невозможна.

То, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим

[«тем, что есть»], ибо есть – бытие,

А ничто – не есть: прошу тебя обдумать это [22, с. 288].

Так Парменид пришел к выводу, что бытие едино и неизменно, а существует лишь то, что познаваемо и может быть выражено в языке. В то же время небытия не существует, ведь помыслить ни о чем невозможно. Эта идея легла в основу учения Парменида о соотношении бытия и мышления [9]. Стоит отметить, что в трудах Парменида впервые упоминается язык как своеобразная мера бытия, равноправная мышлению.

При этом как мыслимо только сущее, так и мысль без бытия ничто, а человек как существо, наделенное высшей степенью телесной организации, получил и высшую степень мышления.

Через мышление человек получил способность постигать сущее. «*А если, – сказал Парменид, – все другие вещи, как ты утверждаешь, причастны идеям, то не должен ли ты думать, что либо каждая вещь состоит из мыслей и мыслит все, либо, хоть она и есть мысль, она лишена мышления?»* [19].

Демокрит, основоположник материализма, также делал акцент на истинность познания мира, основанную на разуме, однако сам мир он видел абсолютно с другого ракурса.

В любой части (материи) есть и пустое, и полное, причем одно из них (плотное) – сущее, а другое (разреженное) – несущее [1]. Согласно его точке зрения, небытие существовало наравне с бытием и представляло собой некую пустоту. Бытие же образовывалось внутри этой пустоты: каждый предмет являл собой лишь определенное сплетение атомов. Органы чувств не способны постичь ни атомы, ни пустоту: им доступны только некие иллюзорные образы. Истинная картина мира могла быть постигнута только через мышление.

Сказанное позволяет заключить, что философов досократического периода проблема мышления интересовала в онтологическом разрезе. В те времена учение о мышлении существовало неразрывно с учением о бытии. Мифологические представления философов уже не устраивали: они стремились переосмыслить глубокие мировоззренческие универсалии, сломать стереотипы и представить новые способы изучения мира. Появились уровни его осмысления – обыденный и философский, четко разграниченные, причем в первом использовались органы чувств, которые, по мнению многих философов, давали ошибочное, обманчивое видение, мнение, доксу. На основе стремления познать сущее формировалась культура критического мышления. Именно в эту эпоху сформировались центральные философские проблемные поля, и все благодаря актуализации разума и, в частности, мышления. Можно сказать, что этот первый перелом в философии случился именно благодаря изменению культуры мышления, ее преобразованию и выходу на качественно новый уровень. И хотя в досократический период мы обнаружили первое свидетельство установления связи между мышлением и языком, об эманации лингвофилософии из философской мысли в целом на данном сделать вывод нельзя.

С обозначенного нами переломного момента, новой ступени становления философии начали разви-

вать свои учения софисты. Они установили, что натуралистически-вещественное оперирование категориями, которое практиковали их предшественники (огонь, вода, число, Нус, атом), заводит в тупик. Досократовский натурализм представлялся им нигилизмом (в некоторых случаях субъективизмом или даже иллюзионизмом). Если разрабатывать эти принципы вглубь, по мнению софистов, можно обнаружить абсолютное ничто. Казалось бы, на этом все философские искания могли бы закончиться, и тогда наука просто погибла бы, не получая развития.

Но софисты решили разобраться в происхождении этих тупиков мысли и кардинально изменили интенцию своих исканий: они стали рассматривать проблему бытия не как проблему вещества, а как проблему сознания. Так были сделаны первые шаги к рефлексированию и самосознанию. Античный дух не стал ограничиваться созерцанием внешнего мира – он обратился на самого себя [16].

Уместно обратить внимание на еще одно новшество, привнесенное софистами в философию благодаря выходу на новый виток культуры мышления. Они стали первыми, кто сосредоточился на проблеме языка, речи, возжелав сообщить результаты науки широким массам. Софисты поняли, что для этого нужны особые способности и иная направленность мыслительной деятельности: склонности к умозрению, сосредоточенности на предмете и наблюдательности уже было недостаточно. Если ученый хотел стать популяризатором своей науки, он должен был научиться оперировать аргументами, развивать дар красноречия, уметь высказать свою точку зрения и отстоять ее. Эти полемические способности предполагали не столько глубокое знание предмета (как этого требовала коммуникация с коллегами из научных кругов), сколько умение сразить не слишком образованные массы неожиданным аргументом.

Впоследствии образовательная деятельность софистов была поставлена под сомнение: если они и могли чему-то научить, то только риторике. Центральной задачей софистики стала подготовка к политической деятельности, главным образом – формальное развитие речи [3].

Но есть и другой взгляд на просветительскую деятельность софистов. А. В. Душин в своем исследовании называет софистов основателями интеллектуального образования. Пусть эти философы и не давали людям глубоких предметных знаний, они призывали аудиторию к использованию мышления, которое способно заменить не только предсказания и пророчества, но и собственные эмоции. На первый план софисты выводили мыслящий субъект, который в процессе образования с помощью свободной мысли приобретает собственное убеждение. Свободное мышление, по мнению софистов должно помочь людям изыскать базовые принципы, которые помогут правильно оценивать действительность [7].

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сделать первый частный вывод, представляющий интерес для нашего исследования. Софисты превознесли, с одной стороны, риторические способности, хорошо развитую речь, умение аргументированно доказывать свою точку зрения, а с другой – свободное мышление, которое позволяло эту самую точку зре-

ния сформировать. Они первыми указали на объективную взаимосвязь языка и мышления. Результаты своей мыслительной деятельности лучше всего можно было выразить в процессе полемики, но и одновременно, не владея силой языка, невозможно стать настоящей мыслящей личностью. Переориентация исканий софистов на анализ человеческого сознания (в простейшей, если не сказать, зачаточной его форме) в античной философии и положила начало науке, которая сейчас называется филологией.

Деятельность досократиков повысила как автономно разуму, так и объективную важность результатов мышления. Сократ пошел дальше: он поставил рассудок в центр философии, сделал его целью науки, а не ее средством. Рассудок для него стал отдельной темой для размышления, выведенной за пределы темы человека в целом. Одним из мотивов для этого выступил тот факт, что индивидуальный разум имеет большее отношение к добродетели, которую Сократ ставил во главу угла. Знание добра, по мнению философа, совпадало одновременно и с благочестием, и с точным знанием [6].

Считается, что Сократ совершил в философии настоящую революцию, объявив натурфилософию практически безразличной для человека. Отодвинув физику на второй план, он освободил лидирующую позицию этике, а разумному началу человека придать первостепенное значение. Философия стала «экзаменом для души», с помощью которого можно было выявить правду, честность, мудрость. Сдать этот экзамен можно было, умело пользуясь мышлением, преимущественно диалектическим. Вначале, считал Сократ, нужно освободиться от иллюзий и прийти к выводу, выраженному в знаменитом высказывании философа «Я знаю, что ничего не знаю». Помочь в этом способно такое сильнодействующее средство, как ирония, которую можно охарактеризовать как знание незнания. После прохождения этой стадии душа готова породить истину [10].

В незнании, по мнению Сократа, коренится причина зла: нельзя, зная лучшее, сделать худшее (иными словами, осознанным стремление к злу быть не может). Если человек оперирует неверными или несовершенными представлениями, то его усилия с большой вероятностью приведут к злу. Следовательно, для добродетельного поведения нужно убедиться в том, что представления человека основываются на добре.

Отсюда встает вопрос: где искать гарантии добра и детерминирующие его критерии истинности? Если основанием человеческих представлений является речь, то объектом исследования становятся слова. Они, по мнению Сократа, должны быть освобождены от чувственно воспринимаемого наполнения и, таким образом, утратить свою относительность и многозначность. Определить мысль для философа значило ограничить значения слов, а достичь знания – выявить чистые, исключительно логические, значения слов [14].

Сократ указывал на связь мышления и речи посредством ведения диалогов. Позже Платон отметит, что никакие книги не заменят продуктивной беседы, они являются лишь подражанием диалогу. Метод Сократа стал одним из наиболее эффективных средств для улучшения речевой коммуникации: он получил распространение во времена Античности и актуален

до сих пор. Безупречно пройдя естественную эмпирическую проверку веками, сократовский метод практически не изменил своей сущности и используется в современной теории менеджмента. Философ выстраивал в ходе диалога такую логическую цепочку умозаключений, чтобы оппонент вынужден был соглашаться с каждым аргументом [12]. При этом своего мнения Сократ не навязывал, напоминая, что он «ничего не знает». Он тщательно работал над содержанием высказываний своего собеседника и задавал вопросы, которые вводили того в состояние ауторефлексии (то есть оппонент анализировал собственные аргументы). В результате к концу беседы с философом человек осмысливал все ошибки собственного суждения и принимал иную точку зрения, придя к ней, по сути, самостоятельно. Так Сократ, используя диалоги, заставлял людей думать, рефлексировать, оценивать свои мысли и поступки [24].

Сократ совершил очередной переворот в философии, назвав сущностью человека его душу, которая, в свою очередь, представлялась способностью быть добродетельным и проявлять мыслительную активность. Философ актуализировал мышление в этическом аспекте и через него установил связь между добродетельными (а также недобродетельными) представлениями людей и их речью. Диалог благодаря этому философу стал не только специфической формой межличностной коммуникации, но и катализатором мыслительной деятельности и, как следствие, рационального познания. Таким образом, мы обнаруживаем еще одно проявление концепции связи мышления и языка – в этическом аспекте.

Платон разделял точку зрения Сократа о том, что истина содержится, обнаруживается и раскрывается в душе человека. Однако он не отрицал и наличия «правильных мнений», которые возникают на бессознательном уровне. На практике такие мнения могут оказаться полезными, но в душе их могло и не быть. Однако в душе, по мнению философа, нечто истинное должно присутствовать постоянно, чтобы направлять ее действия, а для этого все «правильные мнения» человеку нужно было «связать вычислением причин». Этот поиск постепенно вел к познанию истины: человек погружался в себя настолько, что достигал «первоначального единства», а вместе с ним – возможности познать все. Платон считал, что научиться – это то же самое, что и вспомнить, а кто вспомнил единое, тот в силах открыть и все остальное.

Сопоставляя эти воспоминания, душа ведет безмолвное рассуждение и тем самым стремится к истине. Она спрашивает саму себя и самой себе же отвечает, постепенно приходя к тому или иному мнению. Изрекаемую мысль философ называл процессом рассуждения, изреченную – его результатом, а сам этот беззвучный диалог души с самой собой – рассудком. Последнее доказывается и семантически: слово *dialogos* образовано из *dianoia* (рассудок) и *logos* (слово, речь). Рассудок, по Платону, – разумное мышление, возникающее в виде внутренней речи [18].

Анализируя вышесказанное, мы обнаруживаем в учении Платона оригинальный взгляд на связь мышления и речи с противоположного сократовскому ракурса, хотя фундаментальные идеи обеих концепций схожи. Платон делает акцент на внутреннем диалоге,

который рождает разумное мышление, ведущее к «воспоминанию» души истины. Речь здесь отождествляется непосредственно с мыслительной деятельностью.

Аристотель глубже развил мысль о «рассуждающей душе». В его учении в форме силлогических умозаключений реализовалось человеческое мышление, которое отличалось от деятельности высшего Ума, реализующего в себе интуитивное постижение первоначал. Платон отождествлял безмолвный диалог души с самой собой с дианоией (рассудком). Аристотель подчеркивал, что мнения и рассуждения – это состояния мысли, а дианоия, таким образом, – оязыковленное мышление. Высший же Ум, выступающий началом знаний и знанием начал, является интуитивным, и связанное с ним мышление не смешивается с постигаемым. Следовательно, по Аристотелю, мышление реализовалось в двоякой направленности: как высшая разумная способность и как предметное приложение. В первом случае оно в речи невыразимо и выступает полностью интуитивным, созерцательным, во втором, напротив, мышление является дискурсивным и влечет за собой определенные поступки [13].

Аристотель говорил, что высказанные слова – это символы ментального опыта, а написанные слова – символы слов высказанных. Так же как у всех людей разные почерки, и речи их звучат неодинаково. Однако ментальный опыт, который эти слова напрямую отражают, по своей сущности одинаков для всех, как и вещи, которые олицетворяют этот самый опыт. Появляющиеся в душе мысли не содержат в себе правдивого или ложного смысла, а уже в речи они должны быть либо правдой, либо ложью. Просто существительные и глаголы, не связанные с чем-либо другим, не могут пока стать правдой или ложью. Отдельное слово, например «человек» или «белый», не может стать ни тем, ни другим. Аристотель приводит в пример слово «трагеллаф»: оно обладает смысловым значением (животное из чистых скотов), но пока мы не добавим к нему другое слово – указывающее на то, чем оно является или не является – об истинности или ложности высказывания говорить нельзя.

Существительное – это лишь сочетание звуков, обладающее условным значением, не имеющее привязки ко времени. В природе его нет, а возникает существительное тогда, когда становится обозначением какого-либо предмета. Глагол же обозначает еще и время, к тому же он всегда является обозначением для сказанного о другом (подлежащем). Когда эти две независимые части соединяются, получается такой отрезок речи, как высказывание, несущее в себе истинную или ложную нагрузку [25].

Другими словами, существительные представляют собой набор звуков, выражающих человеческое восприятие вещей, они ближе к содержанию ментального опыта, а глаголы ассоциируются с ощущением свойств вещей или взаимосвязей между ними, проявляющихся с течением времени.

В итоге можно сказать, что дианоия – это выраженное языком мышление, материалом для которого являются представления. Но представления в душах разных людей сходны по своей сути, поэтому могут сводиться к неким стандартным выражениям. И Аристотель считал, что для этого служат слова: он называл их знаками

представлений в душе. Философ утверждал, что звуки в процессе ассоциации становятся обозначением мыслительных опытов и превращаются в слова.

Эта идея Аристотеля нашла распространение и в современной науке, в частности, она легла в основу теории нейролингвистического программирования. Слова, произнесенные и написанные, согласно этой теории, являются поверхностными структурами, однако они представляют собой преобразования более глубоких мыслительных структур. Анализируя эти словесные структуры, через языковые кодировки можно определить уровни процесса умственных операций [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать еще один важный для нашего исследования вывод. Аристотель также акцентировал внимание на объективной связи человеческого мышления и речи, он провел грань между высшим Умом и умом человека, а последнему отвел свойства дискурсивности и предметной направленности. Философ считал, что слова являются выражением ментального опыта, при этом существительные более приближены к человеческим ощущениям.

Особо стоит отметить, что Аристотель стал одним из первых философов, кто обратил внимание на герменевтические проблемы: в сферу его интересов вошли структуры высказываний и связанные с ними категории истинности. Он не просто развил учение о мышлении, но и актуализировал тему языка.

Вслед за Аристотелем глубокую проработку учение о языке и его связи с мышлением нашло у стоиков, которые трактовали содержание высказываний как слияние эмоций, понятий и чувственных представлений индивида. С одной стороны, высказанная мысль соответствует разумным представлениям, а они могут возникнуть только у разумных существ. С другой стороны, только представление, которое может быть выражено в речи, имеет право считаться разумным. Но стоики не отождествляли «разумное представление» и «высказывание»: содержание речи, по их мнению, отличается от образа в сознании, но образует с ним особую сущность. Мысль, которая благодаря своей особой организации находит выражение в речи, стоики называли *Λεκτόν* (лектон) [15].

На связи между реальным объектом, обозначаемым смыслом и передающим его знаком базируется стоическая диалектика:

1. Знак = обозначающее (дион).
2. Обозначаемый смысл = то, что высказывается (лектон).
3. Реальная чувственная предметность, раскрывающая себя в каталептическом представлении.

А. Ф. Лосев в работе «Ранний эллинизм» особо обращает внимание на роль термина «лектон» в стоической философии. По его мнению, лектон обуславливает уникальность воззрений стоиков, выделяет их из прочей античной философии, в частности позволяет дать нестандартную для своего времени трактовку Вселенского Логоса. В отличие от платонической идеи, понятие которой субстанционально, о лектоне нельзя сказать, что он существует или не существует. Он являлся лишь мыслительной конструкцией в адиафорном представлении, лишенной метафизического существования. Лектон включает в себя атрибуты физической вещи, суждения о них и связи между этими суждениями.

При этом А. Ф. Лосев отмечает, что понятие «лектон» нельзя соотносить с мышлением, поскольку последнему присуще действие, а лектон «ничего не творит, не делает, не создает». Он трактует лектон как «соответствие смысловому представлению», которому свойственна имманентная истинность [17].

Стоики полагали, что различие в выражении одних и тех же смыслов будет тождественно различию естественных языков. Также они отметили, что дети не владеют синтаксисом, то есть не знают, как правильно связываются слова и корреспондируются лектоны. Их речь они называли «внешней», не соответствующей фиксированным смыслам. А именно правильная импликация является некоторой гарантией осмысленности мироздания. В целом же разумные существа способны четко сообщать содержание своего сознания другим таким же разумным существам и оказывать на них воздействия словами [23]. Таким образом, у стоиков мы обнаруживаем диалектическую связь языка и мышления.

В работах Хрисиппа, большое внимание уделявшего вопросам духовной сферы человека, проблема соотношения языка и мышления была одной из центральных. Философ проводил анализ языковой структуры, что помогло ему продвинуться в изучении природы знаков. Он обратил внимание на разграничение лексического и логического значений знаков, отдельно рассматривая семантику и логический синтаксис. Постепенно он пришел к выводу о принципиальной роли языка в способности мышления к обобщению.

Речь, по мнению философа и его последователей, свободна лишь относительно и не может развиваться в произвольном порядке, поскольку связана с мышлением и определяется законом его последовательности. Именно по этой причине мышление может адекватно отражать действительность, а люди – общаться и понимать друг друга.

В мышлении Хрисипп выделял два компонента – когнитивный и коммуникативный, а мыслительный процесс рассматривал с психологической и содержательной точки зрения. Спустя века К. Поппер скажет, что стоики «открыли третий мир, наряду с миром тела и души»: язык, будучи выражением субъективного психического состояния индивида, можно отнести к духовному миру, но нельзя исключить и его принадлежность к физическому миру звука [20]. Иными словами, у Христиппа мы обнаруживаем связь языка и мышления в психологическом аспекте.

В результате обобщения изученного теоретического материала можно сделать вывод, что проблема взаимосвязи языка и мышления действительно получила многоаспектное рассмотрение в философии Античности, когда закладывались фундаментальные идеи философской мысли, актуализировались вопросы разума, его преобладания над чувственным восприятием, а впоследствии и трансляции его результатов. Таким образом, первостепенным вопросом, изучаемым философами античности, изначально было мышление, однако всесторонняя его разработка привела многих мыслителей той эпохи к проблеме языка, его роли в мыслительной и познавательной деятельности, в духовной жизни индивида. Это позволяет заключить, что лингвофилософия действительно берет начало именно в эпоху Античности.

В античной философии проблема взаимосвязи языка и мышления разрабатывалась как непосредственно, так и в рамках исследования иных объектов (этики, психологии). Следовательно, уже в этот период наметилась дифференциация лингвофилософских направлений, которые выделились в процессе эволюции философской мысли.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что древнегреческие философы, в частности Аристотель и последователи стоической школы, способствовали зарождению ряда отраслей науки о языке: герменевтики, семиотики, лингвистики, логического анализа. Таким образом, Античность оказала значительный вклад в развитие не только лингвофилософии, но и учения о языке в целом.

Литература

1. Аристотель *Метафизика* / пер. и примеч. А. В. Кубицкого. М.: СОЦЭКГИЗ, 1934. 354 с.
2. Асмус В. Ф. *Античная философия: учебное пособие*. Изд. 2-е, доп. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
3. Гайденок П. П. *История греческой философии в ее связи с наукой*. Изд. 2-е, испр. М.: Либроком, 2009. 264 с.
4. Гриненко Г. В. *История философии: учебник*. М.: Юрайт-Издат, 2004. 688 с.
5. Дилтс Р. *Стратегии гениев*. Т. 1. Аристотель, Шерлок Холмс, Уолт Дисней, Вольфганг Амадей Моцарт / пер с англ. В. П. Чурсина. М.: Класс, 1998. 272 с.
6. Доброхотов А. Л. *Категория бытия в классической западноевропейской философии*. М.: Издательство Московского университета, 1986. 248 с.
7. Душин А. В. Софисты как основатели интеллектуального образования // *Вестник ВЭГУ*. 2012. № 1(57). С. 98 – 103.
8. Зубкова Л. Г. *Общая теория языка в развитии: учебное пособие*. М.: Изд-во РУДН, 2002. 472 с.
9. Кальной И. И., Сандулов Ю. А. *Философия для аспирантов: учебник / под ред. И. И. Кальной*. 3-е изд., стер. СПб.: Лань, 2003. 512 с.
10. Канке В. *Философия*. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2007. 376 с.
11. Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 1. Язык. СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
12. Кнорринг В. И. *Теория, практика и искусство управления: учебник для вузов по специальности «Менеджмент»*. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 528 с.
13. Куликов Д. К. Проблема мышления в философии Аристотеля // *Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные гуманитарные науки*. Ростов н/Д: Сармат, 2011. С. 90 – 94.
14. Лебедев М. В. *Стабильность языкового значения: монография*. М.: ЛКИ, 2008. 168 с.
15. Лебедев С. П. *Логическая природа сократовского знания* // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 56. С. 28 – 33.
16. Лосев А. Ф. *История античной эстетики: в 8 т. Т. 2: Софисты. Сократ. Платон*. М.: Искусство, 1969. 641 с.
17. Лосев А. Ф. *История античной эстетики: в 8 т. Т. 5: Ранний эллинизм*. Кн. 1. М.: Искусство, 1979. 760 с.
18. Муравьев А. Н. *Логос и диалог: Платон о начале и методе познания* // *Межвузовский сборник: Академия. Материалы и исследования по истории платонизма*. 1997. № 1. С. 56.
19. *Платон Парменид* // *Платон: Парменид, Кратил и другие диалоги / пер. Н. Н. Томасов, Т. В. Васильева*. СПб: Наука, 2014. 550 с.
20. Степанова А. С. *Философия Древней Стои*. СПб: АЛЕТЕЙЯ, 1995. 272 с.
21. Татаркевич Вл. *История философии / пер. с польск. В. Н. Квасков*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. Античная и средневековая философия. 482 с.
22. *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Издание подготовил А. В. Лебедев. М.: Наука. 1989. 576 с.
23. *Фрагменты ранних стоиков*. Т. 2: Хрисипп из Сол. Ч. 1. Логические и физические фрагменты / пер. и ком. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. 280 с.
24. Шохов А. С. *Структура ментального мира классической Греции*. Новосибирск, 1993. 285 с.
25. Aristotle *On Interpretation. Categories, On Interpretation, and On Sophistical Refutations* / Translated by E. M. Edghill. Digireads.com Publishing, 2010. 80 p.

Информация об авторе:

Гончарова Алина Алексеевна – аспирант, преподаватель английского языка Сергиево-Посадского гуманитарного института, г. Сергиев Посад, lynn-goncharova@mail.ru.

Alina A. Goncharova – post-graduate student, Lecturer at Sergiev-Posad Humanitarian Institute.

(Научный руководитель: Анисимов Анатолий Степанович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Сергиево-Посадского гуманитарного института.

Research advisor: Anatoly S. Anisimov – Doctor. of Philosophy, Full Professor, Head of the Department of Humanitarian Disciplines, Sergiev-Posad Humanitarian Institute).

Статья поступила в редколлегию 24.02.2015 г.